

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Протоиерей Ливерий Воронов

Преосвященный Феофан (Быстров)
— ректор Санкт-Петербургской
духовной академии (1909-1910)

Опубликовано:
Вестник Ленинградской духовной академии.
1990. № 1. С. 18-31

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2013

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ФЕОФАН (БЫСТРОВ) —
РЕКТОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
(1909—1910)

19 февраля 1990 года исполнилось 50 лет со дня кончины ученого-богослова и подвижника-аскета Высокопреосвященного ФЕОФАНА, архиепископа Полтавского и Переяславского, который на протяжении пяти лет был в числе «начальствующих» в Санкт-Петербургской Духовной академии, сначала (с 1905) в должности инспектора, затем (с 4 февраля 1909 до 19 ноября 1910) в должности ректора.

Учениками и почитателями Преосвященного Феофана считали и называли себя известные иерархи и церковные деятели. Из их числа можно назвать двух митрополитов-эксзархов Московской Патриархии: Высокопреосвященного митрополита Алеутского и Североамериканского ВЕНИАМИНА (Федченко) и Высокопреосвященного митрополита Корсунского НИКОЛАЯ (Еремина). Они лично хорошо знали Владыку Феофана либо по Санкт-Петербургской Духовной академии, либо по его святительской деятельности, и в своих благодарных о нем воспоминаниях характеризовали его, как высокоученого богослова строго церковного направления и как архипастыря-аскета, пользовавшегося особым почитанием среди православных верующих людей¹⁾.

О епископе Феофане как ректоре С.-Петербургской Духовной академии и известном ученом-богослове рассказывал незабвенный для нашей академической корпорации заслуженный профессор, доктор богословия, протоиерей о. Михаил Сперанский, который, будучи выпускником С.-Петербургской академии, 28 лет трудился в ленинградских духовных

школах, из них 14 лет в должности ректора.

О. Михаил, учившийся в С.-Петербургской Духовной академии в 1909—1913 годах, рассказывая о днях своего первого приезда в С.-Петербург и о первом посещении своей будущей *almae matris*, с теплым чувством признательности вспоминал «неожиданную встречу в академическом саду с тогдашним ректором СПбДА епископом Феофаном (Быстровым). Высокообразованный человек, Преосвященный Феофан отличался вместе с тем простотой в обращении, он принял живое участие в судьбе одаренного юноши». Так говорится об этом в Некрологе, посвященном памяти заслуженного профессора протоиерея Михаила Кронидовича Сперанского²⁾.

Своими воспоминаниями о Владыке Феофане делился со своими коллегами и б. Инспектор Ленинградской Духовной академии профессор Лев Николаевич Парийский, окончивший в Петербурге в 1911 году Духовную семинарию и в 1915-м — Духовную академию. Одним из источников этих воспоминаний могли быть рассказы Высокопреосвященного митрополита Петроградского и Гдовского ВЕНИАМИНА (Казанского), хорошо знавшего Владыку Феофана, поскольку они были соучениками по академии, а в годы ректорства епископа Феофана в академии архимандрит (а затем епископ) Вениамин занимал должность ректора С.-Петербургской Духовной семинарии. Лев Николаевич был близок к митрополиту Вениамину и одно время был сотрудником Епархиального управления Петроградской Митрополии. Естественно, что Владыка Вениамин

¹⁾ См. в Прим. в конце статьи.

мог многое рассказать о епископе Феофане своему бывшему воспитаннику по семинарии, а затем и соратнику³⁾.

Имя Владыки Феофана можно встретить в трудах, посвященных вопросам, связанным с историей русской культуры и духовности. Так, д-р философии и лектор Оксфордского университета Николай Михайлович Зёрнов отзывается о епископе Феофане (Быстрове) как о «известном аскете с необыкновенным духовным настроением, имевшем высочайший духовный авторитет»⁴⁾.

Даже в светской, и притом далекой от Церкви, литературе встречаются весьма положительные отзывы о Владыке Феофане (Быстрове). Писательница Зинаида Николаевна Гиппиус (1869—1945), жена Д. С. Мережковского, писала: «Епископ Феофан был монах редкой скромности и тихого, праведного жития. Помню его, маленького, худенького, молчаливого, с строгим личиком. . . Он смотрел «горé», поверх человека»⁵⁾.

* * *

Архиепископ Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров) родился 24 декабря (ст. ст.) 1872 года в селе Подмошье, Лужского уезда, С.-Петербургской губернии. Отец его, Дмитрий Николаевич Быстров, по окончании в 1861 году С.-Петербургской духовной семинарии и вступлении в брак с Марией Ивановной Разумовской стал священником местной Знаменской церкви⁶⁾.

При крещении младенца ему было наречено имя Василия в честь святителя Василия Великого, память которого совершается 1 января (ст. ст.). С ранних лет будущий Владыка отличался скромным поведением, беспрекословным повиновением родителям, кротким отношением к окружающим. Подрастая, он избегал детских игр, предпочитая уединение и молитвенную сосредоточенность; любил чтение, в осо-

бенности Священного Писания и книг духовно-нравственного содержания. В годы начального обучения его смирение и готовность помочь каждому располагали к нему сердца сверстников, и с их стороны никогда не было к нему ни зависти, ни недоброжелательства.

Господь одарил его большими способностями, что при наличии его усердия к наукам обеспечивало ему бесспорное первенство среди товарищей на всех этапах его дальнейшего обучения. Получив начальное (сначала дома, затем в духовном училище) и среднее (в С.-Петербургской Духовной семинарии) образование, Василий Быстров первым по экзаменационному списку поступил в 1892 году в С.-Петербургскую Духовную академию⁷⁾.

Василий Быстров, обучаясь в С.-Петербургской академии, слушал лекции многих известных ученых: Н. Н. Глубоковского (в те годы сначала доцента, затем, с 1894 года, экстраординарного профессора по кафедре Священного Писания Нового Завета); всемирно известного церковного историка В. В. Болотова и других. Усердно изучая все предусмотренные программой академического образования дисциплины и восполняя получаемые чрез это знания усиленными самостоятельными занятиями в области библейской экзегезы и патристики, он сосредоточил свое особенное внимание на тщательном изучении Священного Писания Ветхого Завета. Наиболее близок ему, в качестве научного руководителя, был один из лучших знатоков ветхозаветного текста, ординарный профессор по кафедре Библейской истории, доктор богословия Феодор Герасимович Елеонский, автор труда «История еврейского народа в Египте от поселения в земле Гесем до египетских казней» (СПб, 1884), многих журнальных статей по библейской истории, а также специального исследования на тему «Разбор мнений современ-

ной отрицательной критики о времени написания «Пятикнижия» (СПб, 1875). Желая подготовить себя к научной работе в аналогичном направлении, Василий Быстров рано начал усиленно заниматься изучением целого ряда языков: древнееврейского, арамейского, древнеегипетского, аккадского (ассиро-вавилонского), санскрита (древнеиндийского), китайского и других. Известно, например, что однажды все время своих летних каникул он посвятил напряженному изучению двух языков: английского и китайского, достигнув при этом значительного успеха в их освоении.

На одном курсе с Василием Быстровым учились: Николай Иванович Сагарда (впоследствии доктор церковной истории, профессор С.-Петербургской, а затем Петроградской духовной академии по кафедре патрологии в 1907—1918 годах) и Сергей Алексеевич Тихомиров [впоследствии митрополит Японский Сергей (Тихомиров) — приемник по служению скончавшегося 3 февраля 1912 года апостола Японии, высокопреосвященного архиепископа Японского Николая (Касаткина)]⁸⁾.

В год поступления Василия Быстрова в академию произошел ряд перемещений как в составе иерархии, так и в администрации духовной школы. 7 сентября 1892 года скончался митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский), и митрополитом Петербургским стал Палладий (Раев). Возглавлявший академию с 1887 года епископ Антоний (Вадковский) оставил ректорство в связи с назначением его 24 сентября 1892 года на кафедру новообразованной Финляндской епархии с возведением в сан архиепископа. Ректором академии стал архимандрит Борис (Плотников). Инспектором по-прежнему был архимандрит Михаил Ермаков.

В следующем, 1893 году произошла новая смена начальствующих

в академии. Ректором стал епископ Никандр Молчанов, инспектором — доктор церковной истории, профессор по кафедре церковной археологии Николай Васильевич Покровский. В 1895 году епископа Никандра сменил на ректорстве епископ Иоанн Кратиров.

В 1896 году Василий Быстров окончил курс С.-Петербургской Духовной академии первым магистрантом. Представленное им курсовое сочинение имело название: «Ветхозаветное Божественное имя Иегова, его происхождение, значение и употребление в книге Бытия».

В отзыве об этом сочинении заслуженного ординарного профессора Феодора Герасимовича Елеонского было сказано: «Сочинение г. Быстрова представляется заслуживающим не только присуждения автору степени кандидата богословия, но и допущения, при некоторых изменениях и дополнениях, к соисканию степени магистра. Во всяком случае этот труд заслуживает особенного внимания со стороны Совета Академии».

Кандидату богословия Василию Быстрову было разрешено переработать его кандидатское сочинение в магистерскую диссертацию, и Совет академии принял решение об оставлении его профессорским стипендиатом по кафедре Библейского богословия. Профессорским стипендиатом на тот же 1896/97 год был оставлен также Николай Сагарда⁹⁾.

В 1897 году, после представления стипендиатского отчета, Василий Быстров был избран Советом академии и утвержден митрополитом Палладием в звании исправляющего должность доцента академии по кафедре Библейской истории¹⁰⁾.

В 1898 году Василий Дмитриевич Быстров был пострижен в монашество с именем **ФЕОФАН** в честь преподобного Феофана, исповедника Сигрианского (память которого совершается 12 марта ст. ст.). Возможно, что выбор имени сделан

был постригавшим с учетом того, что Василий Быстров был почитателем известного подвижника Святителя Феофана, Затворника Вышенского, незадолго пред тем (а именно 6 января 1894 года) скончавшегося, и впоследствии (в 1988) канонизованного. Вскоре после пострижения молодой монах был рукоположен в сан иеродиакона, а затем и иеромонаха¹¹⁾.

В 1898 году скончался митрополит Палладий, и на столичную кафедру был 25 декабря возведен митрополит С.-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский). В следующем, 1899 году сменилось руководство академии.

Ректором стал (вторично) архимандрит, а вскоре епископ Ямбургский Борис Плотников, а инспектором (с 6 октября 1899) — архимандрит Сергей (Страгородский).

В 1901 году снова произошла смена ректора. 24 января ректором стал архимандрит Сергей Страгородский, который 25 февраля был хиротонисан во епископа Ямбургского. Иеромонах Феофан Быстров был возведен митрополитом Антонием в сан архимандрита и определен исправляющим должность Инспектора академии. Вручая новопоставленному архимандриту посох, митрополит Антоний в своем святительском назидании сказал: «Неси свое возложенное на тебя послушание с кротостью и терпением, ища не своего личного блага, а блага вверяемых тебе питомцев общей нам матери Академии»¹²⁾. С этого времени и до октября 1905 года архимандрит Феофан является ближайшим помощником по академии ее Преосвященного ректора епископа Сергия Страгородского (впоследствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси).

В 1905 году архимандрит Феофан защитил свое фундаментальное исследование: «Тетраграмма, или Ветхозаветное Божественное имя» и был удостоен степени магистра

богословия. Этот важный для правильного понимания исторического развития православной библиологии труд остается, к сожалению, еще и поныне малоизвестным нашим православным богословам, однако бесспорно достоин тщательного изучения и научной оценки со стороны современных православных ученых, посвящающих свои таланты и усилия святому делу «исследования Писаний» (Ин. 5, 39).

6 октября 1905 года ректор академии Преосвященный Сергей (Страгородский) был назначен архиепископом Финляндским и Выборгским и сдал свои дела по академии. Ректорскую должность принял архимандрит Сергей (Тихомиров), до тех пор бывший ректором С.-Петербургской духовной семинарии на протяжении шести лет. 6 ноября он был хиротонисан во епископа Ямбургского. В том же 1905 году архимандрит Феофан (Быстров), удостоенный степени магистра богословия, был возведен в звание сначала экстраординарного, а затем и ординарного профессора по кафедре Библейской истории и утвержден в должности инспектора академии¹³⁾.

С конца 1905 года до весны 1908-го архимандрит Феофан был помощником по управлению академией ректора ее Преосвященного Сергия (Тихомирова).

В 1907/08 году профессорским стипендиатом по кафедре Библейской истории был работавший под руководством профессора-архимандрита Феофана очень близкий по духу к своему руководителю и сохранявший верность и преданность ему до конца своей жизни иеромонах Вениамин (Федченко).

21 марта 1908 года епископ Сергей (Тихомиров), согласно прошению, получил назначение на должность помощника начальника Российской духовной миссии в Японии¹⁴⁾. На освободившуюся должность ректора «баллотировкой совета (академии) был избран, но не

получил утверждения» находившийся в отставке с 1906 года б. экстраординарный профессор по кафедре патристики протоиерей Тимофей Александрович Налимов¹⁵⁾. Поэтому обязанности ректора пришлось выполнять в течение почти года (с марта 1908 до февраля 1909) инспектору академии архимандриту Феофану¹⁵⁾. В 1908 году 20 декабря (ст. ст.) скончался всенародно почитаемый пастырь и подвижник протоиерей о. Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский. 22 декабря траурный поезд с телом почившего прибыл в С.-Петербург. В числе встречавших на Балтийском вокзале во главе с архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским) были и возглавители духовных школ: и. о. ректора, инспектор академии, архимандрит Феофан (Быстров) и ректор семинарии архимандрит Вениамин (Казанский), мученически окончивший жизнь в 1922 году.

23 декабря Божественную литургию в Иоанновском монастыре на р. Карповке возглавил митрополит С.-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский). В числе сослуживших были и оба упомянутых архимандрита: Феофан (Быстров) и Вениамин (Казанский)¹⁶⁾.

4 февраля 1909 года архимандрит Феофан был назначен на должность ректора С.-Петербургской Духовной академии. 12 февраля — в Неделю 2-ю Вел. поста в день памяти святителя Григория Паламы в Св.-Троицком соборе Александроневской Лавры он был хиротонисан во епископа Ямбургского, 4-го викария С.-Петербургской епархии (первым викарием с титулом епископа Гдовского был тогда епископ Кирилл Смирнов, впоследствии Святейшим Патриархом Тихоном в его завещании поставленный первым кандидатом на местоблюстительство; вторым викарием — епископ Нарвский Никандр Феноменов; третьим викарием — епископ Кронштадтский Владимир Путята)¹⁷⁾.

Чин хиротонии совершал митрополит С.-Петербургский и Ладожский Антоний в сослужении членов Святейшего Синода и других иерархов, общим числом 13.

При своем наречении архимандрит Феофан произнес слово, в котором, по выражению его жизнеописателя, «подлинно вылилась вся его святая душа, глубоко чуждая всяких земных стремлений и искательств». Приведем отдельные места из этого слова:

«Богомудрые Архипастыри!

Глагол Божий, призывающий на ниву Церкви Божией делателей пастырского служения, в которых Церковь так нуждается во все времена своего исторического существования на земле, наконец достиг и меня. С какими же чувствами я принимаю этот глагол Божий? Лично сам я никогда не увлекался общественным служением, и не искал его, и даже, по мере возможности, уклонялся от него. И если, несмотря на такое мое настроение, я призываюсь к этому служению, то верю, что на это есть действительно воля Божия и что ко мне чрез стечение видимых обстоятельств невидимо глаголет Сам Господь, властно повелевающий мне воспрять на себя бремя нового служения.

Но если такова о мне воля Божия, то да будет она благословенна! Я приемлю ее. Приемлю со страхом и трепетом, но, однако, без смущения и боязни. Да не покажется это кому-либо удивительным. Более чем кто-либо знаю я свои немощи духовные и телесные и свое ничтожество. Всего лишь несколько лет отделяет меня от бездны небытия, из которой я воззван к бытию всемогущим мановением Божественной Воли. Затем по вступлении моем в бытие, я наблюдаю в себе непрестанную борьбу жизни и смерти в области существования и естественного и благодатно-духовного. О, как тяжела бывает временами эта борьба во мне, но да будет за нее благо-

дарение Господу!.. Она глубоко укоренила в моем сердце ту спасительную истину, что сам по себе я — ничто, а все для меня — Господь. Он — моя жизнь, Он — моя сила, Он — моя радость. Отец, Сын и Святой Дух, Троица Святая и Престественная, Божественная и обожествляющая всякое разумное бытие, неустанно и с любовью ищущее Ее и взирающее на Нее. К этой Престественной Троице и в настоящее знаменательное для меня время, с верой и любовью горé обращаю я свой духовный взор. От Нее жду и помощи, утешения, ободрения, укрепления и вразумления на предстоящее мне высокое и многотрудное служение. Глубоко верю, что, как некогда на Апостолов сошел в виде огненных языков Святой Дух, от Отца чрез Сына исходящий, и на них невидимо почил и претворил их немощь в силу, так точно снизойдет Он и на мое ничтожество и укрепит мою немощь. Усердно и смиренно прошу вас, богомудрые архипастыри, в предстоящий знаменательный для меня день совершения надомной в храме Святой Троицы великого тайнодействия епископского руковожложения, вместе со всем сонмом молящихся верных чад Церкви Божией, — вознесите и вы о мне священную молитву ко Святой Троице, да преизобильно облечет Она меня всеми дарованиями, потребными для нового служения: да отверзет ум к разумению Божественных Таин, да укрепит волю к совершению дел Божиих, да воспламенит сердце мое огнем всеживляющей Любви Божественной, столь необходимой пастырю душ человеческих в этой многострадальной жизни человеческой! И да будет все мое служение и вся моя жизнь во славу Триединого Господа, Которому Единому подобает всякая честь и поклонение во веки веков! Аминь». (Прибавления к Церковным Ведомостям Свят. Прав. Синода. 1909. № 9.)

После совершения хиротонии

возглавлявший ее митрополит Антоний (Вадковский) вручил по обычаю новорукоположенному епископу Ямбургскому Феофану жезл и произнес речь, из которой приведем также некоторые отрывки:

«Преосвященный Епископ Феофан, возлюбленный о Господе брат! Восемь лет тому назад, вручая тебе — тогда новопоставленному архимандриту — посох, я говорил тебе: «Неси свое возложенное на тебя послушание... ища благаверяемых тебе питомцев Академии». Ныне, в торжественный для тебя день архиерейской хиротонии, волей Божией, я призываюсь вручить тебе новый посох — жезл архиерейский, как знак твоих новых святительских полномочий, твоего нового святительского служения в Церкви Христовой. Вместе со всеми архипастырями, рукоположившими тебя ныне в сан Епископа, приветствую тебя, новорукоположенного Архиерея, и мысленно молюсь, да сотворит тебя Господь делателя на ниве Своей непостыдна, право правяща слово Христовой Истины. Своих учеников Господь научил разумеать, что Он в Себе Самом даровал им радость и жизнь, которых никто отнять от них не может... Тебе, брат возлюбленный, ведома эта жизнь во Христе и со Христом. В твоём слове при наречении во Епископа ты исповедал пред сонмом святителей, что во Христе твоя жизнь, твой свет, твоя радость. В сей жизни пребывай, в сей радости преуспевай. Благодать Божия, в архиерейском рукоположении на тебя сошедшая, да укрепит тебя в сей жизни и да утвердит и да сотворит тебя в живом общении со Христом, приносяща плод мног... Вручая тебе этот новый жезл, я опять повторю сказанное тебе восемь лет тому назад: «Неси это новое возложенное на тебя послушание с кротостью и терпением, ища не своего личного блага, а блага вверенных тебе питомцев общей нам матери Академии»¹⁸⁾.

«Будучи ректором С.-Петербургской Духовной академии, — пишет автор брошюры, посвященной памяти Владыки Феофана к столетию со дня его рождения, — он необыкновенно оживил религиозно-нравственную атмосферу в ней, высоко подняв церковный дух и настроенность в стиле св. Отцов Церкви, благоговейное почитание к коим он старательно в студентах воспитывал. . . Творения великих Отцов Церкви были изучены им с удивительной тщательностью. Когда приходили к Владыке Феофану с вопросами богословского ли то характера или касательно нравственно-христианской духовной жизни, он избегал говорить что-либо «от себя», но тотчас же подходил к своему книжному шкафу, в котором хранились столь любимые им с юности сокровища — святоотеческие творения, мгновенно находил точный и нужный ответ в той или иной книге на поставленный ему вопрос, и посетитель уходил от него глубоко удовлетворенный тем, что получал высокоавторитетное разрешение мучившего его вопроса — ответ уже бесспорный, не подлежащий никаким сомнениям.

И сам Владыка Феофан был, если так можно выразиться, настоящей энциклопедией всех богословских знаний, и всего того, что касалось внутренней духовной жизни христианина. И это было потому, что он действительно был ученый-богослов «Божией милостью», и одновременно человек, ведший подвижническую духовную жизнь. Необыкновенная выдержка, воспитанность, деликатность в обращении, ласковая внимательность ко всем приходящим и сердечная отзывчивость на всякое горе и нужду — таковы были характерные черты святителя. . . Никогда не переносил он никаких вульгарных высказываний, никаких пошлостей, неприличий и непристойностей в разговоре, и тотчас же удалялся, если такой раз-

говор в его присутствии начинался, из каких бы лиц окружающее его общество ни состояло.

Очень строго относился Владыка Феофан к монашеским обетам, и потому тщательно испытывал обращающихся к нему с просьбой об иноческом пострижении. Он не только не допускал никакого поощрения карьеризма при этом, а отказывал иногда в пострижении и тем, кто искренне и хорошо были настроены, но не понимали, как должно, сущности монашества. Так например, тем, которые на вопрос его, с какой целью желают они принять иночество, отвечали, что они желают «послужить Церкви Христовой», он обыкновенно говорил, что для этого совсем не обязательно принимать иноческое звание, что можно послужить Церкви и не давая иноческих обетов. Единственным основательным доводом для принятия монашества Владыка Феофан считал искреннее и глубокое желание — «спасти свою душу». И только таких, которые это правильно понимали, он, после внимательной и тщательной проверки их настроения, соглашался постригать¹⁰⁾.

Владыка Феофан часто и сильно болел. Болезненное состояние здоровья, усугубляемое строгим аскетическим образом жизни, заставляло его иногда покидать академию и лечиться на юге России, где здоровье его несколько улучшалось на непродолжительное время. Во время отсутствия Владыки Феофана обязанности ректора исполнял обычно доктор богословия, ординарный профессор кафедры Библейской археологии и еврейского языка Иван Гаврилович Троицкий.

После того как Владыка Феофан отдал делу руководства С.-Петербургской академией более пяти лет и педагогической деятельности тринадцать лет, он вынужден был расстаться с любимой им школой ввиду назначения на самостоятельное служение епархиального архиерея.

19 ноября 1910 года он был переведен в Крым на кафедру Таврической и Симферопольскую²⁰⁾.

25 июня 1912 года он был перемещен на кафедру епископа Астраханского и Енотаевского, а 8 марта 1913-го — на кафедру епископа Полтавского и Переяславского. В 1917 году возведен в сан архиепископа²¹⁾.

Полтава в 1917 году оказалась местом активного сепаратистского движения, связанного с провозглашением Центральной радой в Киеве еще 10 июня 1917 года автономии Украины²²⁾. Здесь «Владыка немало натерпелся от украинских самостийников, которые, захватив там власть, посадили Владыку даже в тюрьму за его решительный отказ совершить, по их требованию, торжественную панихиду по Иване Мазепе в Полтавском кафедральном соборе»²³⁾.

Владыка Феофан был членом Поместного Всероссийского собора 1917/18 года и председательствовал в подкомиссии, пред которой стоял богословский вопрос о почитании Имени Божия, возникший в связи с так называемым имяславческим движением²⁴⁾.

В тяжкое время гражданской войны архиепископ Феофан неоднократно подвергался опасности разделить участь убиенного в Киеве 24 января 1918 года митрополита Киевского Владимира (Боговладельского), что и вынудило Владыку, вопреки его желанию не расставаться со своей паствой, покинуть пределы Родины.

В 1920 году архиепископ Феофан, вошедший в состав Церковного управления, образованного еще в 1919 году на юге России под председательством митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого), вместе с другими русскими иерархами оказался в Константинополе.

В 1921 году он вместе со всем управлением по приглашению Серб-

ского Патриарха Димитрия переехал в Югославию (тогда — Королевство сербов, хорватов и словенцев) и участвовал там в том же году в происходившем в Сремских Карловцах соборе русских архиереев, оказавшихся за границей.

После образования — на основании постановления Святейшего Патриарха Тихона и Священного при нем Синода за № 362 от 7 (20) ноября 1920 года — Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей, архиепископ Феофан вошел в его состав и, как один из старейших его членов, «временно даже заменял его Председателя митрополита Антония»²⁵⁾.

В 1925 году Владыка Феофан получил приглашение переехать на жительство в Болгарию, где и поселился, проживая там непрерывно до 1931 года. Священный Синод Болгарской Церкви, в составе членов которого были два митрополита, в свое время окончившие курс С.-Петербургской духовной академии, когда Владыка Феофан был в ней ректором, предоставил ему помещение для жительства в здании Синодальной Палаты в Софии.

Владыка не раз служил в Храме-Памятнике св. благоверного великого князя Александра Невского, сооруженном в память освобождения Болгарии русскими войсками в 1878 году, или в домовом храме в здании Синода. Преосвященный Николай, епископ Макариопольский, ректор Софийской духовной академии имени св. Климента Охридского, в годы пребывания Владыки Феофана в Софии бывший молодым иеродиаконом, служившим при Синоде, писал впоследствии об этих богослужениях: «С особенно приятным чувством вспоминаю я великопостные службы, которые более 40 лет тому назад совершал приснопамятный архиепископ Феофан в синодальном параклисе в Софии, на которых и я присутствовал. Вспоминаю и мои исповеди у Владыки Фео-

фана. Прошлое незабываемое, но и невозвратимое!»

Владыка старался вести замкнутую жизнь. Из синодальной келлии своей в Софии он никуда не выходил, кроме храма, и принимал у себя лишь немногих лиц, искавших его наставлений и духовного руководства.

На лето он уезжал из Софии в приморский город Варну. В пяти километрах от города он жил уединенно в скромном домике один, только с келейником, совершенно как в скиту, ежедневно совершая по имевшимся у него книгам полный круг суточного богослужения и вместо литургии обедницу. Только в некоторые воскресные дни и по большим праздникам он ездил в одну из церквей — по большей части в русский храм св. Афанасия Александрийского — древний греческий храм, который предоставил в пользование русским болгарский митрополит Варненский и Преславский Симеон.

Здесь, близ города Варны, Владыка усиленно работал над своими духовно-литературными трудами догматического, экзегетического и аскетического содержания. Тонкий знаток святоотеческих творений, он составлял по особой, им самим разработанной системе новую редакцию «Добротолюбия», удобную для пользования. Составлял также «Добротолюбие русских святых» и толкование на Апокалипсис. Отсюда он вел обширную переписку со своими духовными чадами. Письма его своим содержанием, духовными советами и наставлениями напоминают подобную переписку Святителя Феофана Затворника.

Молитвенному подвигу он предавался непрестанно, никогда не оставляя завещанной святыми Отцами-подвижниками «умно-сердечной» молитвы. Эта постоянная молитва была насущной потребностью его духа. В 1928 году он писал одному из своих духовных чад: «Хотел бы я умолкнуть для всего и навсегда,

но пока еще не знаю, есть ли на это воля Божия»²⁶⁾.

В 1926-м или 1927 году Владыка Феофан нашел вынужденным высказать критическое суждение и свое несогласие с учением митрополита Антония (Храповицкого) относительно искупительного подвига Господа Иисуса Христа. Это учение впервые было изложено еще в 1917 году в статье архиепископа Антония под названием «Догмат искупления», а затем отражено в составленном митрополитом Антонием в 1919-м — «Опыте христианского православного катехизиса»²⁷⁾. В этих сочинениях, по выражению митрополита Елевферия Богоявленского, «все Искупление сводится к Гефсиманскому подвигу и борению сострадательной любви Христа с грехами всего человечества»²⁸⁾, и тем самым умаляется значение крестных страданий Господа Иисуса Христа, как центрального события искупительного подвига Божьего человека.

События 1917—1919 годов не благоприятствовали богословскому обсуждению взглядов митрополита Антония по вопросу об искуплении. Однако «едва только организовалась церковная жизнь русской эмиграции и митрополит Антоний издал свой «Опыт христианского православного катехизиса» (Сремски Карловцы, 1924) и выпустил в новом издании свою статью «Догмат искупления» (Сремски Карловцы, 1926), как недостаточно отмеченное ранее в России учение митрополита Антония произвело большое смущение и оживило непосредственный интерес к догмату искупления»²⁹⁾. Еще в 1925 году началась и более трех лет продолжалась в связи с этим переписка между митрополитом Литовским и Виленским Елевферием (Богоявленским), Управляющим русскими церквами в Западной Европе, и митрополитом Антонием (Храповицким).

Архиепископ Феофан не мог

остаться в стороне от обсуждения столь важного вопроса, будучи убежден, что учение митрополита Антония расхочется с общецерковным. По свидетельству Сергея Викторовича Троицкого, архиепископа Феофан (Быстров) специально приехал в Карловцы вместе с Управляющим русскими православными приходами в Болгарии архиепископом Серафимом Соболевым, «чтобы убедить митрополита Антония отказаться от неправильных мыслей в его «Догмате искупления»³⁰⁾.

Архиепископ Феофан представил Заграничному Синоду обширный доклад с критическим разбором учения митрополита Антония, предпослав ему следующее краткое введение: «Цель символических сочинений, под каким бы названием они ни были известны, — символов, вероопределений, вероизложений, исповеданий и пр. — состоит в том, чтобы дать понять вероучение известной церкви — в том самом виде, в каком оно действительно исповедуется обществом, или лицом, от имени которого представляется. Определенность, самая изысканная точность, простирающаяся нередко до щепетильности, до расстановки слов и знаков препинания, является необходимой принадлежностью произведений, задавших подобную цель: при малейшей погрешности против точности она будет не достигнута.

Удовлетворяет ли этим требованиями вновь составленный Катехизис митрополита Антония? По нашему мнению, решительно нет. Он не только не отличается точностью, но в некоторых вопросах даже отступает от догматического учения Православной Церкви. Это мы прежде всего и главным образом утверждаем относительно догматического учения его об искуплении»³¹⁾.

Верный ученик и почитатель архиепископа Феофана епископ Вениамин (Федченко), находясь в Срем-

ских Карловцах в 1927 году, имел возможность прочитать и переписать текст его доклада Архиерейскому Синоду³²⁾. Благодаря этому мы имеем теперь возможность отпечатать это ценное произведение архиепископа Феофана (Быстрова).

Как показывают некоторые рукописи архиепископа Феофана, он внимательно следил за развитием богословской и философской мысли XX века и, в частности, тщательно изучал труды о Павла Флоренского и прот. Сергия Булгакова, но к тематике «софиологии» относился весьма неодобрительно, подчеркивая, что она выросла из «софиологии» Владимира Соловьева, а последняя коренится и основывается на «софиологии» немецких мистиков, то есть нецерковной (из письма от 6 июля 1931 года).

Тяжело переживал Владыка Феофан все недолжные явления в русской эмигрантской среде — распри, споры и разделения, что, как он высказывался, так не к лицу православным русским людям, за грехи свои потерявшим родину и обреченным на жизнь в изгнании. Он верил в скорое воскресение России, но при обязательном условии — покаянии русского народа за свое Богоотступничество. Чрезвычайно многое в эмигрантской жизни его болезненно печалило и заставляло уклоняться от близкого общения с людьми и от общественной жизни, в которой он отнюдь не видел того, что должно было бы быть в изгнанническом положении людей, находящихся как бы под Божией епитимией.

Будучи уже более десяти лет епископом без епархии, с которой связывали его лишь дорогие воспоминания, и не считая для себя полезным вступать в споры о том, где, с канонической точки зрения, должен пролегать «правильный путь» в запутанных условиях существования вынужденной эмиграции, Владыка Феофан решил следовать голосу своей архиерейской совести

и давнему призванию к отшельничеству.

В 1931 году он покинул Болгарию и переехал во Францию, куда давно звали его духовные чада еще по Петербургу. Сначала он жил в местечке Клармаре под Парижем, а затем переехал в отдаленное на несколько часов езды от Парижа местечко Лимерай на реке Луаре. Тут он стал жить уже полным отшельником, совершенно прекратив всякое общение с внешним миром и ежедневно совершая богослужение в устроенной для него домово́й церкви.

Последние месяцы или даже годы своей жизни Владыка Феофан очень болел — у него была парализована правая половина тела. Скончался он 19 февраля 1940 года. Похоронен на маленьком сельском кладбище в местечке Лимерай. Сохранилось следующее повествование священника о. Феодора И.:

«Мы посетили его скромную могилу. . . Тихо на кладбище! Православный крест, имя, даты. Мы слушали панихиду с двумя его прислужниками — послушниками (мо-

жет быть, в тайном постриге) — старушками. Тихо идем домой. Дорога — мили 2 или 3 до того места, где в меловых пещерах, в холмах жил святитель. Это — три продолговатых, высоких правильно высеченных пещеры. В одной помещалась бывшая келлия Владыки, она же его домовая церковь. . . В келлии Владыки два его фотографических портрета; Библия со вложенными сухими цветами, собранными на Дивеевской канавке, и другими священными вкладками; ящик с мощами, может быть до 24 в золотых сосудах; и многое другое из священных реликвий. . .»

«Вот и все, что удалось нам узнать об окончании земного пути Владыки Феофана, — заканчивает свой биографический очерк о нем архиепископ Аверкий, — и что осталось на земле от этого дивного святителя. . . Но вечной останется о нем память в сердцах всех искренно верующих православных русских людей, знавших его и глубоко и благоговейно его почитавших!»³³⁾

Примечания

1) Митрополит Вениамин (Федченко) родился в 1880 г. Окончил С.-Петербургскую духовную академию в 1907 г. В 1907—1908 гг. профессорский стипендиат по кафедре Библейской истории. Хиротонисан во епископа по благословлению Свят. Патриарха Тихона в феврале 1919 г. в Симферополе и назначен викарием Таврической епархии с титулом епископа Севастопольского. В 1931—1933 гг. настоятель Патриаршего Трехсвятительского подворья в Париже. В 1932 г. возведен в сан архиепископа. С 1933 г. до 1947 г. занимал кафедру архиепископа (с 1939 — митрополита) Алеутского и Североамериканского, экзарха Московской Патриархии по Америке. С 1947 г. на кафедрах: Рижской и Латвийской, затем Ростовской и наконец Саратовской. С 1958 г. на покое с пребыванием в Псково-Печерском монастыре. Скончался 4 октября 1961 года. Некролог в ЖМП 1961. 11. С. 47—50.

Митрополит Николай (Еремин). Родился в 1892 г. В 1945—1947 гг. инспектор Богословского института имени преп. Сергия Радонежского в Париже в сане иеромонаха. С 1947 г. до ухода на покой в 1963 г. настоятель Трехсвятительского храма в Париже, первоначально в сане архимандрита. По благословлению Свят. Патриарха Алексия и Свящ. Синода был хиротонисан во епископа Клишского в 1953 г. В 1954 г. возведен в сан архиепископа и назначен Патриаршим экзархом Западной Европы. В 1960 г. Свят. Патриарх Алексий удостоил его сана митрополита с титулом Корсунский, экзарх Московской Патриархии в Западной Европе, и сохранением за ним настоятельства в храме во имя Трех Святителей.

Митрополиту Николаю во многом обязана своим созданием Духовная семинария в Вильмуасоне, под Парижем. Среди привлеченных им к преподаванию

были профессор В. Н. Лосский, архиепископ Василий (Кривошеин), архимандрит (позже епископ Нью-Йоркский) Петр (Л'Юилье), отец Силуан (Стрижков) и другие. Уволен на покой в 1963 г. Скончался Владыка Николай 23 января 1985 года. Некролог в ЖМП 1985. 12. С. 20.

²⁾ Иеромонах Инокентий, преподаватель ЛДС, Уржумцев П., кандидат богословия ЛДА. Заслуженный профессор протоиерей Михаил Кронидович Сперанский (Некролог). ЖМП 1984. 12. С. 38—40.

³⁾ Бронский В., пом. инспектора ЛДА. Профессор Лев Николаевич Парийский (Некролог). ЖМП 1973. 2. С. 26—27.

⁴⁾ Nicolas Zernov, *The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century*, Great Britain, Aberdeen, pp. 98, 173.

⁵⁾ Наука и религия. 1989. № 5. С. 28.

⁶⁾ Родители Владыки Феофана: священник Дмитрий Николаевич Быстров (скончавшийся 16 января 1911 года) и Мария Ивановна Быстрова (скончавшаяся в декабре 1926 года) похоронены на Волковом кладбище г. Ленинграда.

Кроме Владыки Феофана у них были еще один сын и три дочери.

Протоиерей Михаил Дмитриевич Быстров. Служил в храме села Лубино (в 6 километрах от станции Уторгош). Репрессирован во второй половине 30-х годов.

Елизавета Дмитриевна Сыренская (урожд. Быстрова). Жена протоиерея Василия Ивановича Сыренского, служившего в Ориентибаумской Пантелеимоновской церкви, затем в Ориентибаумской церкви во имя святителя Спиридона, еп. Тримифунтского, и наконец в храме во имя св. Иоанна Предтечи на Каменном острове в Ленинграде. Протоиерей Василий Сыренский был репрессирован в 30-х годах. Время и место кончины неизвестны. Елизавета Дмитриевна скончалась в 50-х годах.

Александра Дмитриевна Преображенская (урожд. Быстрова). Жена протоиерея Георгия Васильевича Преображенского, настоятеля храма во имя свв. Первоверховных Апостолов Петра и Павла в Вырице, репрессированного в январе 1930 года. Умер в 1932 году. Александра Дмитриевна скончалась в 1943 году.

Вера Дмитриевна Воронова (урожд. Быстрова). Была замужем за Аркадием Васильевичем Вороновым (ум. в 1942).

Вера Дмитриевна скончалась в 1945 году.

⁷⁾ + Архиепископ Аверкий. Высокосвященный Феофан, архиепископ Полтавский и Переяславский. Джорданвилль. Нью-Йорк. США. 1974. С. 6.

⁸⁾ Список студентов 4-го курса С.-Петербургской духовной академии, составленный Советом академии 3 июня 1896 года

1. Быстров Василий	Удостоиваются степени кандидата богословия с правом получения степени магистра без нового устного испытания
2. Сагарда Николай	
6. Тихомиров Сергей, иеромонах	

(Из журнала заседания Совета С.-Петербургской духовной академии за 1895/96 учебный год. СПб, 1900. С. 338)

Данные о проф. Н. И. Сагарде см.: Богословские Труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной академии. М., 1986. С. 31. Примечание 44-е к статье архиепископа Кирилла (Гундяева) «Богословское образование в Петербурге — Петрограде — Ленинграде».

Данные о митрополите Сергии (Тихомирове) см.: ЖМП 1946. 8. С. 55—56; 1951. 7. С. 41—53; 1960. 7. С. 58; 1960. 8. С. 58—68; 1961. 10. С. 20; и в статье прот. Иоанна Кондрашова «Архиепископ Николай Касаткин — апостол Японии». ЖМП 1972. 11. С. 72—73.

⁹⁾ Из «Журнала заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1895—1896 учебный год». СПб, 1900:

Отзыв засл. орд. профессора Елеонского Ф. Г. о сочинении Быстрова Василия. — С. 450—452.

Из журнала собрания Совета академии 4 июня 1896 года:

«VII. Слушали: Прошение кандидата богословия Василия Быстрова на имя Преосвященного Иоанна, епископа Нарвского, Ректора академии, следующего содержания: «Честь имею покорнейше просить Ваше Преосвященство позволить мне переработать мое кандидатское сочинение «Ветхозаветное Божественное имя Иегова: его происхождение, значение и употребление» -- на магистерскую диссертацию».

Определили: Соглашаясь с отзывом профессора Ф. Г. Елеонского, рассматривавшего курсовое сочинение студента Василия Быстрова и нашедшего,

что оно, при некоторых изменениях и дополнениях, может быть допущено к соисканию степени магистра богословия, ходатайствовать пред Его Высокопреосвященством о разрешении Быстрову переработать его кандидатское сочинение в магистерскую диссертацию».

На сем журнале последовала резолюция Его Высокопреосвященства: «1896 г. Июня 8 дня. Разрешается». Там же, с. 349—350.

«XIII. Слушали: Донесение комиссии, обшудавшей вопрос об избрании окончивших курс воспитанников для оставления при академии на годичный срок в качестве приготавлиющихся к занятию преподавательских вакансий, о том, что ею рекомендуются Совету из числа окончивших ныне курс воспитанников кандидатами для оставления при академии в качестве профессорских стипендиатов Быстров Василий и Сагарда Николай. . .

Определили: Оставить при академии на один год для приготовления к занятию преподавательских вакансий окончивших ныне курс воспитанников Быстрова Василия и Сагарду Николая. . . Поручить руководство занятиями Быстрова заслуженному ординарному профессору Ф. Г. Елеонскому и Сагарды — экстраординарному профессору Н. Н. Глубоковскому».

На сем журнале последовала резолюция Его Высокопреосвященства: «1896 г. Июня 8 дня. Утверждается». Там же, с. 360—361.

¹⁰⁾ В «Отчете о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1897 год», опубликованном в академическом журнале «Христианское Чтение», говорилось:

«На вакантную, по выходе в прошедшем 1896 году в отставку заслуженного ординарного профессора Феодора Елеонского, кафедру Библейской истории Советом Академии избран и Его Высокопреосвященством 30 сентября 1897 г. утвержден в звании и. д. доцента, профессорский стипендиат прошедшего года, кандидат богословия, Василий Быстров, в течение всего академического курса обращавший внимание успешными занятиями и при окончании курса представивший кандидатскую диссертацию на тему «Об имени Иегова», признанную Советом Академии достойной премии имени литовского митрополита Иосифа» (Христианское Чтение. 1898. 1. С. 368; ср. «Журналы заседания Совета С.-Петербур. дух.

академии за 1896—97 учебн. год». СПб, 1900. С. 155 и с. 359—374).

¹¹⁾ В библиотеке ЛДА сохранился литографированный экземпляр лекций иеромонаха Феофана Быстрова, читанных им в 1898/99 учебном году.

¹²⁾ См. прим. 7. С. 8. См. также: Церковный Вестник. 1902. С. 229 и Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. Часть 2-я. С. 186.

¹³⁾ См. статью «Преосвященный Феофан, епископ Астраханский» в журнале «Русский паломник». № 31 за 1912 год (29 июня 1912 г.). С. 480.

¹⁴⁾ См. статью А. Казем-Бека «Православная Церковь в Японии» в ЖМП 1960. 8. С. 65.

¹⁵⁾ Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. Часть 2-я. С. 137.

¹⁶⁾ См. «Столп Православной Церкви». Всенародно чтимый пастырь и праведник. Издание В. П. Петроград. 1915. С. 743—744.

¹⁷⁾ См. Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской церковной иерархии на 1909 год (с. 6—13) и на 1910 год (с. 6—13).

¹⁸⁾ См. прим. 7. С. 6—9.

¹⁹⁾ Там же, с. 10—13.

²⁰⁾ См. «Состав Свят. Правит. Всероссийского Синода и Российской церковной иерархии на 1916 год». С. 263.

²¹⁾ Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957), составленный Архиепископом Мануилом Лемешевским. Чебоксары. Часть VI. 1958. С. 286—287.

²³⁾ Большая Советская Энциклопедия. Третье издание. Т. 28. Статья: Центральная рада. С. 504, столбец 1500.

²³⁾ См. прим. 7. С. 20.

²⁴⁾ Прот. Булгаков С. Философия имени. Париж. ИМКА—пресс., с. 5.

²⁵⁾ См. прим. 7. С. 20, 23.

²⁶⁾ Там же, с. 24 и с. 26—27.

²⁷⁾ Свящ. Гнедич П. В. Догмат искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия. Л., 1953. С. 238.

²⁸⁾ Митрополит Елевферий. Об искуплении. Париж. 1937. С. VII. Предисловия.

²⁹⁾ См. прим. 27. С. 248 и с. 357—358.

³⁰⁾ Проф. Троицкий С. В. О неправде карловацкого раскола. Париж. 1960. С. 123.

³¹⁾ Феофан, архиепископ Полтавский. Об искуплении (рукопись).

³²⁾ См. Приложения к сочинению о. Петра Гнедича «Догмат искупления». Л., 1953. С. 73. (Приложение 7-е к главе VI сочинения представляет собой справку митрополита Вениамина «к докладу Архиепископа Феофана

(Быстрова) в заграничный Синод против учения митрополита Антония Храповицкого об искуплении и вообще против его «Катехизиса».)

³³⁾ См. прим. 7. С. 22 и с. 25—28.
14 февраля 1990

Иеромонах Сергей (Кузьмин)

200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АРХИЕПИСКОПА ТАВРИЧЕСКОГО И ХЕРСОНСКОГО ИННОКЕНТИЯ

28 декабря исполнится 200 лет со дня рождения знаменитого русского богослова и проповедника архиепископа Таврического и Херсонского Иннокентия (+1857).

Архиеп. Иннокентий, в миру Иван Алексеевич Борисов, родился 28 (15) декабря 1800 года в г. Ельце. Блестяще окончив курс Киевской Духовной академии, он в 1823 году был назначен профессором, а вскоре и инспектором Санкт-Петербургской духовной академии, оставив заметный след в ее истории как талантливейший преподаватель и активный сотрудник академического журнала «Христианское чтение», придав ему новый духовный импульс и актуальность. В том же 1823 году архиеп. Иннокентий принял монашество. В 1830 году он был назначен на должность ректора Киевской духовной академии, а в 1836-м — был возведен в сан епископа Чигиринского, викария Киевской митрополии. Через пять лет архиеп. Иннокентий назначается Синодом на самостоятельную Вологодскую кафедру, а в 1848 году получил определение быть архиепископом Таврическим и Херсонским.

Велико значение архиеп. Иннокентия для русского богословия. Не было такой отрасли богословских наук, которой не занимался бы преосвященный Иннокентий. Всегда самостоятельно работая по первоисточникам православного вероучения, он утверждал в академической практике новые для того времени методы преподавания: исторический и историко-сравнительный. Им была впервые введена в академический курс история догматов. Схоластический метод, в основном применявшийся в процессе преподавания, был им решительно отвергнут. Другой важной реформой в школьной практике, проведенной им, было упразднение преподавания богословия на латинском языке, которое, в свою очередь, положило начало освобождению православного богословия от могучего влияния католической науки.

Состоя в течение ряда лет членом Св. Синода, архиеп. Иннокентий принимал непосредственное участие во всех работах различных комиссий по преобразованию духовного обучения.

Благодаря его настояниям, духовные учебные заведения получили новое устройство. Новшества и улучшения в области духовного образования, несмотря на их необходимость и очевидность, создали ему немало врагов, называвших его «неологом» и даже упрекавших его в проповедовании коммунистических идей. В связи с этим рассказывали такую историю:

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии

www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»

www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.